

УДК 130.122:8

DOI: 10.17223/22220836/31/8

М.А. Корниенко

ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье раскрыта особая роль внутренней речи в функционировании языка. Внутренняя речь обозначена как речь, обращенная в себя, речь мышления; свойство внутренней речи и ее потенциал – быть местом «мысли мыслящей». Сформулирован тезис о том, что посредством обращения к внутренней речи человек слышит себя, слушает свое молчание. Внутренняя речь интерпретирована как коммуникация особого рода: человек, разговаривая с собой, использует возможность беззвучного рассуждения. Проанализированы присущие внутренней речи особенности и свойства: энергичность, предикативность, преобладание смысла над значением, эллиптичность.

Ключевые слова: внутренняя речь, интенции языка, молчание, коммуникация, аутокоммуникация, эгоцентричность внутренней речи, энергичность внутренней речи, смысл, значение.

П. Рикёр в «Конфликте интерпретаций» характеризует акт изречения не только как внешнее свершение, индивидуально исполненное, но и как свободно осуществляющееся комбинирование (его П. Рикёр называет «осуществление») еще не выговоренных формулировок, – в этом автор и видит сущность и предназначение речи. «То, что Гумбольдт назвал процессом деятельности и противопоставил продукту деятельности, – пишет П. Рикёр, – это не только диахрония, то есть изменение и переход системы от одного состояния к другому, но и генерирование – если иметь в виду ее глубинный динамизм – речевой деятельности в каждом из нас и во всех вместе» [1. С. 14].

П. Рикёр, обращая внимание на роль свободной комбинаторики и генерирования в процессах, связанных с производством языка, говорит вместе с тем о том, что обозначенные процессы связаны с исключением первичной интенции языка. Эта интенция в том, чтобы сказать что-то и о чем-то. Эта интенция для участвующих в речи (для того, кто говорит, равно и для того, кто слушает) осмыслена непосредственно. Они видят присущую языку двойную нацеленность: нацеленность на идеальное видение (сказать что-то) и на то, что может быть представлено как идеальная отсылка (сказать о чем-то). П. Рикёр полагает это в качестве двух порогов-пределов и считает, что движение языка является тем, благодаря чему происходит преодоление обозначенных порогов, – идеального видения и смысла, и того, что можно назвать порогом соотнесенности. Этим моментам в акте изречения автором отведена значимая роль – П. Рикёр видит ее в том, что именно за счет этих порогов и движения трансценденции языку присуще свойство, названное П. Рикёром «намерением говорить». П. Рикёр, утверждая это, ссылается на исследовательскую позицию Антуана Мейе, последователя Ф. де Соссюра, выделявшего в языке его имманентность и трансцендентность, когда пишет об этом: «...сегодня мы скажем то же другими словами: имманентную структуру и

сферу проявления, где деятельность смысла принимает на себя удары реальности» [1. С. 142]. П. Рикёр говорит, утверждаясь в своем принятии тезиса об имманентности языка и его трансцендентности, о необходимости уравновесить положение о закрытости универсума знаков, что можно сделать через обращение к доминирующей функции языка (говорению, речению). Именно функция речения превращает язык в открытый и понятный. Посредством речи замкнутый характер универсума знаков оказывается преодоленным; язык преодолевает себя в качестве знака, проявляя при этом присущую ему устремленность к тому, с чем он, язык, соотнесен. П. Рикёром предложен и образ этого осуществляющегося действия: «...язык хотел бы исчезнуть; он хотел бы умереть как объект» [Там же. С. 143].

Особую роль в функционировании языка играет внутренняя речь – то, через обращение к чему человек способен услышать себя, слушать свое молчание. На эту важную деталь внутренней речи обращено внимание в философско-лингвистической литературе. Внутренняя речь обращена к себе; это коммуникация, но коммуникация особого рода: человек разговаривает с собой, используя возможность беззвучного рассуждения. Внутреннее проговаривание, внутренняя речь, являясь эгоцентрической, внутренней коммуникацией, совершается автономно, она не зависит от процессов коммуникации внешней: мыслительным процессам не нужна коммуникация, однако коммуникативные процессы невозможны вне мышления.

Августин и схоласты разрабатывали систему понятий для теологического объяснения загадки Троицы. Рассматривая слово – (*verbum*) – они главным образом рассматривали внутреннее слово (слово сердца) в его отношении к разуму. Внутреннее слово духа и мышление здесь единосущны, как единосущны Бог-сын и Бог-отец.

Чем, однако, является внутренняя речь, не имеющая звукового оформления? Х.-Г. Гадамер пишет о внутренней речи следующее: «...надо мыслить на данном языке, чтобы действительно говорить на нем... „Язык разума“ не есть какой-то язык для себя. Каков же смысл тогда перед лицом неснимаемой нашей языковой связанности говорить о каком-то „внутреннем слове“, которое сказывается как будто на чистом языке разума? Из чего следует, что слово разума (если переводить *intellectus* как „разум“) является настоящим „словом“, если оно якобы не есть действительно звучащее слово, а также и не внутренний призрак такового, но само обозначаемое этим словом как знаком, то есть само разумемое, само мыслимое?» [2. С. 489].

Это еще не высказывание, это мышление, но во внутреннем слове достигается совершенство мышления. Внутреннее слово, отражая мышление, является итогом нашего внутреннего дискурса, – в «Софисте» Платон описывает мышление как беседу души с самой собой.

Совершенная философская лирика, так называемая мыслящая поэзия (Ф. Тютчев, А. Фет, М. Цветаева), передает такое свойство внутренней речи, как ее энергичность, средством ее обретения является совокупность приемов, используемых художником слова: поворот, новый оттенок смысла, использование подразумеваемого, обращение к намекам, созвучия, метафоры, образующие стихию смысла, – все то, что возможно лишь в случае многократного обращения к «тематическому предмету».

Новые повороты в стихии смысла достигаются посредством вхождения мысли в смысл уже имеющийся. Такова поэзия М. Цветаевой («У меня к тебе наклон», «Минута», «Деревья», «Ночь», «Брат», «Хвала времени»). Покажем это на примере стихотворения М. Цветаевой «Минута», написанного в августе 1923 г.:

Минута: *ми*нущая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж –
Что́ завтра б – вырвано из рук!
Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:
То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так лги ж, так льсти ж
Другим, десятичной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел
Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: «И сие пройдет» –
На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?
Минута: мающая! Мнимость
Вскачь – медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! *Ты, что минешь*:
Минута: милостыня псам!
О, как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.

Слова и фразы внутренней речи здесь обращены в себя, к себе, проявляясь в водовороте созвучий, неожиданных метафор и столь же неожиданных подражаний, – «минута – мающая», «мнимость – медлящая», «минута – мерящая, обмеривающая», «разминовение минут», правящее «вечностью моею».

Возможен ли переход внешней речи в речь внутреннюю? Возможно ли противоположное, – когда, закончившись, внутренняя речь, будучи законченной, оказывается высказанной в речи внешней? Возможен ли диалог внутренней и внешней речи? Говоря об энергии внутренней речи, исследователь оказывается обращенным к тезису о потенциале внутренней речи. Масштаб, детальность, разносторонность диалога внутренней и внешней речи определяют «глубинные пласты подражаний», взрывают эти пласты, отмечает А.В. Ахутин. Обозначенный диалог возможен лишь при высокой степени энергичности внутренней речи и только в условиях уединенности: «Та-

кой диалог и предполагает, и требует... энергии внутренней речи... способности уединяться в себе, уходить, углубляться в себя, собирать, сосредоточивать общезначимую речь в смысл, в само средоточие осмысления и переосмысления (= в мысль), где сказанное уже свернулось в смысл (оставшийся несказанным), а новый смысл еще только зреет сказыванием» [3. С. 471]. По сути своей «происходящий внутри души беззвучный диалог души с собой и есть мышление» [Там же. С. 392].

Источником возможного смысла А.В. Ахутин, сравнивая стилистику Гераклита и М. Хайдеггера в своем анализе «логоса» как внутренней речи, считает слово [Там же. С. 469]: «Когда Гераклит или Хайдеггер дают словам «играть», переливаться смысловыми оттенками, обнаруживать забытые семантические пласты, они не рассчитывают извлечь таким образом некий исконный смысл, а открывают слово как источник исконного смысла» [Там же. С. 469]. «Мыслитель и поэт складывает их так, что они – слова, предложения... обращаются в себя, к себе, к своему мыслящему и рекущему источнику; из общества людей, назначивших им службы, они возвращаются в свое собственное общество, в общение слов, в игру внешних созвучий и внутренних переключек, двусмыслиц, метафор, намеков. В них начинают сами собой сказываться иные – напрашивающиеся, неожиданные, неслыханные смысловые обороты, так что эти формы наполняются стихией смысла, жизнью мысли» [Там же. С. 469–470].

В отечественной литературе феномен внутренней речи блестяще проанализирован В.С. Библером, Л.С. Выготским, А.В. Ахутиным, Т.В. Ахутиной. Сопоставим позиции этих исследователей. Так, Л.С. Выготским уже в работе «Мышление и речь. Психологические исследования» (1934) обращено внимание на язык особого рода, его функцией является автокоммуникация (модель коммуникативной ситуации «Я – Я» предложена Ю. Лотманом. В отличие от модели «Я – Он», разработанной Р. Якобсоном, в модели автокоммуникации «Я – Я» субъект передает сообщение самому себе). Этот язык, с помощью которого осуществляется автокоммуникация «Я – Я», назван Л.С. Выготским «внутренней речью», основным структурным признаком этой речи является отсутствие вокализации. Это немая речь, речь молчаливая. Однако Л.С. Выготский полагает, что именно в этом направлении, в направлении постепенного нарастания этого отличия, осуществляется эволюция эгоцентрической речи: «Тот факт, что этот признак развивается постепенно, что эгоцентрическая речь раньше обособляется в функциональном и структурном отношении, указывает только на то, что мы положили в основу нашей гипотезы о развитии внутренней речи, – именно то, что внутренняя речь развивается не путем внешнего ослабления своей звучащей стороны, перехода от речи к шепоту и от шепота к немой речи, а путем функционального и структурного обособления от внешней речи, перехода от нее к эгоцентрической и от эгоцентрической к внутренней речи» (цит. по: [4. С. 38]). Эта гипотеза о развитии внутренней речи посредством функционального и структурного обособления от речи внешней является одной из центральных в концепции внутренней речи Л.С. Выготского.

В.С. Библер в работе «Понимание Л.С. Выготским внутренней речи и логика диалога» вводит термин «сейчас-мгновение», с помощью которого характеризуется представление о предельно свернутой внутренней речи: именно в «сейчас-мгновении» осуществляется преобразование смысла внеш-

ней речи; внешняя речь «на входе» – это речь, которая провоцирует начало мысли; внешняя речь «на выходе» (в момент обнаружения) – феномен радикальной метаморфозы мысли. В.С. Библер, рассматривая эту ситуацию, совершенно справедливо, на наш взгляд, полагает, что в ней и нашло отражение строение внутренней речи, в котором до мысли существующее «слово», «звучание», «значение», «пред-понятие» и этот же ряд, возникающий после, даны в одно мгновение [5. С. 366], в «сейчас-мгновении».

Неверно представлять особенность внутренней речи как речи, не получившей звукового оформления. В работах ряда психологов и лингвистов, – таковы, к примеру, работа А. Morin «Inner speech as a mediator of self-awareness, self-consciousness, and self-knowledge: An hypothesis» [6] и исследования Т.В. Ахутиной, касающиеся нейролингвистических аспектов динамической афазии [7], – внутренняя речь обозначена как речь со своей семантикой, особым синтаксисом, особого рода фонетикой. Л.С. Выготским в работе «Мышление и речь» отмечен ряд специфических особенностей подобной внутренней речи, среди последних – редуцирование физического аспекта, паратаксические связи, сменяющие связи синтаксические, монтажность внутренней речи [8]. Специфика и в том, что внутреннюю речь «держат» как бы опорные слова, слова сверхзначащие (вспоминается образ небосвода как покрывала, которое держат звезды, – образ, созданный А. Блоком для поэзии), переосмысливаемые. Подобная ситуация – ситуация смещения, «сгущения семантики», когда осуществляется «склеивание» слов (агглютинация), – лексическое и фонетическое, «семантическое» их взаимодействие и взаимовлияние.

Характерными особенностями внутренней речи является ее предикативность, преобладание смысла слова над его значением; использующий внутреннюю речь не выбирает в ней значения в процессе размышлений, но стремится отыскать во внутренней речи исток всех смыслов; внутренняя речь («речь мыслящего разговора с самим собой», А.В. Ахутин) – это последовательность иносказаний, метафорических структур. Одна из характерных черт внутренней речи (ее предикативность) проявляет себя специфично: подлежащее умалчивается, однако прием умолчания используется не оттого, что подлежащее известно, но потому, что «открывается в молчании собственной природы, подлежащей всматриванию, вдумыванию, вслушиванию» [3. С. 486]. Это и говорит о трансформации предикативности в беседе мысли с собой. Наконец, по отношению к внутренней речи можно рассмотреть особенность, которая в поэтике называется эллиптичностью. А.В. Ахутин образно характеризует эту черту («фигуру») внутренней речи следующим образом: «...пустота, в которую опустилось само собой разумеющееся, допускает неожиданные заполнения. Всплыть может совсем не то, что пропущено» [Там же. С. 487]. Таков фрагмент Гераклита 49/21: «Смерть есть все, что мы видим бодрствуя», где смерть есть смерть, поскольку имеется в виду, держится в уме жизнь.

Особенности внутренней речи анализируются Л.С. Выготским на страницах работы «Мышление и язык», в то время как А.В. Ахутин в «Античных началах философии» делает предметом анализа фрагменты Гераклита. Почему именно Гераклита? Мы задаемся этим вопросом, потому что Гераклит чрезвычайно трудно интерпретируем. Созданное им полно метафор, пророчеств, аллегорий, загадок, притч, намеков; в созданном им подчас содержится тот смысл, что лишь подразумевается. Гераклит из Эфеса, основатель первой

исторической (первоначальной) формы диалектики, носивший наследственный титул базилевса (царя-жреца) и отрехнувшийся от этого титула ради брата, оставил единственное сочинение «О Вселенной, о государстве, о богословии», – оно дошло до нас в 100 фрагментах. «Логос» в концептуальном изложении Гераклита – божественный первоогонь, чистый разум, правящий Вселенной, обладающий провиденциальной волей. Гераклитом это греческое слово «логос» в ряде фрагментов использовано в значении «понятие», одновременно в некоторых фрагментах Гераклит использует этот термин в значении «слово», «речь». Логос постижим для немногих, логос господствует над всем посредством всего. Настоящая мудрость – в познании Логоса и подчинении Логосу. Те, кто внимает Логосу и живет «по природе», становятся богами при жизни, им свойственно «огнесоразмерное» просветление. Мир – это речь, прочтение этой речи невозможно без знания языка, с использованием которого эта речь создана («Истина любит прятаться»). Философия интерпретирована как искусство верного прочтения, в процессе которого чувственно воспринимаемое возможно разделить на слова и вещи. Подлинная мудрость способна одарить человека душевной ясностью – «Я искал самого себя». «Слово»-понятие объединяет – «мудрость в том, чтобы знать все как одно». И хотя фрагментам Гераклита присуща абстрактно-всеобщая, философская форма, эта форма вместе с тем образна, метафорична, в ее основе – порой парадоксальная символика, намеренная многозначность. Это впечатление усилено тем, что это – проза, ритмизованная силлаботонически. Гераклит чрезвычайно труден в интерпретации (его прозвищем было «Темный»). В пределах перипатетической доксографии Гераклит характеризуется как «физик», по сути своей сочинение Гераклита – о государстве, его идеальном устройстве, в основе которого – естественный закон и радикальная реформа мышления и языка.

Гераклиту принадлежит модель «Мир как речь» (метафора «эта – вот речь» (Логос, фр. 1/1) – «то, что у нас перед глазами»). Речь «природы» возможно прочесть, «услышать», только узнав язык, с помощью которого эта речь оказывается «написанной» (фр. 13/07); философия позволяет правильно «прочесть» текст, верно интерпретировать его, разделив «слова-и-вещи». Во фрагменте 1/1 Гераклит говорит об этом разделении как о разделении их «согласно природе» и высказывании «как они есть», и далее, завершая: «Выслушав не мою, но эту-вот речь, должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно» (фр. 26/50). Человек, сталкиваясь с мнением-доксой, «присутствуя, отсутствует» (фр. 2/34); слова языка, который использует человек, – лишенные смысла и значения «слоги природных имен»; язык человека подобен лишенному смысла говору, бормотанию того, кто спит или лишен разума. Мудрость, однако, в том, чтобы «знать все как одно», и лишь свершив это, можно встретиться с собой («я искал самого себя» (фр. 15/100)).

Специфика представленности внутренней речи во фрагментах, оставленных Гераклитом, в том, что Гераклит говорит о том, «как все происходит» и одновременно ведет речь от первого лица – он спрашивает, он обращается к себе. Эта особенность отмечена рядом исследователей, к примеру М. Марковичем, С.Н. Муравьевым, А.С. Богомоловым, А.В. Лебедевым и А.В. Ахутиным. Так, А.В. Ахутин обращает внимание на так называемый парадокс взаимобращения внимания к миру и сосредоточения в душе. «Зрение, слух,

узнавание на собственном опыте, – пишет А.В. Ахутин, анализируя фрагмент 5/55 в ракурсе обозначенного парадокса, – только тогда воспринимают разум («логос») мира, когда в душе складывается ум, т.е. умение слагать зримое изнутри всеобщего бытия» [3. С. 462]. Итак, «Я искал самого себя» (допытывался, доискивался, спрашивал, воспринимая и разублаживая), – этот фрагмент содержательно можно анализировать в двух ракурсах-концептах: они обозначены как дельфийский и сократовский. В рамках контекста дельфийского (изречение на стене храма в Дельфах – «узнай, распознай себя») речь может идти о месте себя в мире, о тех поисках себя, которые осуществимы посредством обращенных к себе вопросов. В пределах сократовского контекста (знание о собственном незнании) каждый изначально потерян в общеизвестном и общепринятом.

Выше мы обращались к работе Л.С. Выготского «Мышление и речь» в попытке определить особенности внутренней речи. Эти особенности по-своему «работают» во фрагментах Гераклита. Особенности внутренней речи во фрагментах Гераклита нашли отражение в поэтической форме, и это – поэтика внутренней речи философского мышления, поэтика философии, достигаемая за счет обращения автора к разнообразным средствам и приемам. В числе последних – предикативность, эллиптичность, паратаксичность, сплавление слов (в фонемах, в ритмике), афористическое смыкание начала и конца фразы, загадки, таинственные прорицания. Выделим и сопоставим некоторые из обозначенных особенностей. Во-первых, предикативность – речь идет об особой ситуации, в которой в предложении, состоящем из предикатов (подлежащее подразумеваемо), связь осуществлена не синтаксическим путем, но бессоюзно, посредством принципа монтажа, причем монтажа паратаксического (в поэзии пример этого – строки А. Фета «Шепот. Легкое дыхание. Трели соловья»). А.В. Ахутин со ссылкой на Дж. Боллака и Х. Виссмана говорит о 9 фрагментах, содержащих бессоюзные стыковки слов, смысловых оборотов, групп слов и фраз; паратаксис проявляется посредством повторов, симметрий; он может иметь скрытую форму; подобного рода паратаксическое построение характерно для практически всех фрагментов. Паратаксическая структура напоминает палиндром, когда фразу можно прочесть не только слева направо, но и справа налево. Эта возможность возврата, возвращения, новой интерпретации позволяет быть возвращенным, втянутым в текст, и это обретает форму беседы с собой, мысль как будто вдумывается в себя, обретая характер внутренней речи.

Еще одна особенность внутренней речи Гераклита – преобладание смысла слова над значением. Эта особенность внутренней речи вообще отмечена ранее Л.С. Выготским, который писал о динамичности, подвижности, текучести смысла, имеющего своего рода зоны устойчивости. «Значение, – писал Л.С. Выготский в «Мышлении и речи», – есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо речи, и притом зона наиболее устойчивая, унифицированная и точная» [8. С. 347].

В фрагменте 25/10 Гераклит вообще говорит о значении, исходящем из смыслового источника и вновь в нем соединенного: «Изо всех одно и из одного все». Говоря о преобладании смысла над значением во фрагментах Гераклита, А.В. Ахутин отмечает, что речь мысли названа внутренней в силу того, что существует «несказуемое подлежащее», обеспечивающее ту ситуа-

цию, в которой разговор возможен, – но это «разговор с собой», мыслящий разговор с собой.

При этом у Гераклита загадочная бытийность растет и уплотняется в той речи, которая словно развернута во внутренней речи, в мыслящем разговоре с собой. Говорящий не ориентируется на принятое значение подлежащего, но отыскивает в нем источник значений, смыслов, переосмыслений, что обретает у автора форму образа течения реки.

Говоря о внутренней речи, исследователи используют понятие «речь мыслящего разговора с самим собой», однако характер связи иной, это связь «субъекта» с «субъектом» – обозначенный выше как паратаксис.

Обращение к фрагментам Гераклита делает очевидной еще одну особенность внутренней речи. Ее смысл в том, что внутренняя речь как речь мышления делает подлежащее предметом умолчания, однако не потому, что подлежащее известно, но потому, что оно (подлежащее) открывается в молчании. Молчит его природа, требуя вслушивания. Мысль говорит сама с собой, и в этих условиях предикативность внутренней речи становится иной. Место предикатов-сказуемых занимают сказуемые-субъекты как «опыты именованья подлежащего». Этот процесс реализуется посредством метафорических метаморфоз, в ряду которых – аллитерации, внутренние рифмы, повторы в структуре ритма, фондические переключки. Речь, превращаясь в метаморфозы метафор, объединяется, оказывается слита «в одно неслыханное... слово, которое, собственно, лишь озвучивает преисполненное смысла молчание бытия» [З. С. 487].

С эллиптической разреженностью внутренней речи связана закономерность: чем более велика сосредоточенность внутренней речи, тем большее в ней оказывается пропущенным и одновременно тем большим становится содержащийся во внутренней речи намек на пропущенное. И эта разреженность внутренней речи отражается в речи внешней. Она требует участия, приобщения, вовлечения слушающего речь в работу мысли, в общение, – вовлечения в сферу растущего смысла, «логос души взращивает себя» (фр. 112/115). Об этой особенности слова, обращенного к слушающему и словно взывающего к соучастию в диалоге, к ответному «пониманию», пишет и А.А. Потебня в исследовании «Эстетика и поэтика», когда замечает невозможность для высказывания быть полным: «Слово одинаково принадлежит и говорящему, и слушающему, а потому значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего, а в том, что оно способно иметь смысл вообще. Только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимать другого» [9. С. 180]. Слово вовлекает в общение, в сам процесс изменяющегося смысла.

Внутренняя речь является речью, которую человек ведет с собой, она обращена к себе, обращена в себя, она – всегда место мысли. Являясь речью мышления, она одновременно является дорогой поиска бытия и своего места в этом бытии. Мысль – всегда подразумевание. Свойство внутренней речи и ее потенциал – быть местом мысли, мысли мыслящей.

Литература

1. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Академический проект, 2008. 695 с.

2. Гадамер Г.-Х. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 700 с.
3. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб. : Наука, 2007. 783 с.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука, 2014. 411 с.
5. Библер В.С. Понимание Л.С. Выготским внутренней речи и логика диалога (еще раз о предмете психологии) // Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1996. С. 363–376.
6. Morin A. Inner speech as a mediator of self-awareness, self-consciousness, and self-knowledge: An hypothesis // *New Ideas in Psychology*. 1990. № 8. P. 337–356.
7. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. М. : Теревинф, 2002. 144 с.
8. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.
9. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976. 616 с.

Kornienko Mikhail A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: snoose@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 31, pp. 81–90.

DOI: 10.17223/22220836/31/8

NATURE AND FEATURES OF INNER SPEECH: CULTURAL PHILOSOPHICAL ASPECT

Keywords: inner speech; language intentions; silence; communication; automotive communication; self-centered inner speech; energy of inner speech; meaning, significance.

The article reveals the special role of internal speech in the functioning of language. Inner speech is designated as inverted speech, the speech of thinking; the property of inner speech and its potential – to be the place of “thought thinking”. The thesis is formulated that through the appeal to inner speech a person hears himself, listens to his silence. Inner speech is interpreted as a special kind of communication: a person, talking to himself, uses the possibility of soundless reasoning. The features and properties inherent in internal speech are analyzed: energy, predicativity, prevalence of meaning over significance, ellipticity.

The starting point in the logic of reasoning is Paul Ricœur's thesis: the act of saying is not only an external accomplishment, but also a free combination of yet unconfirmed formulations. Language has a dual focus: on an ideal vision (say something) and on an ideal reference (say about something). These are the thresholds – the limits of the language. The inner word, reflecting thinking, as shown in the article, is the result of our inner discourse.

The thesis is formulated that the function of internal speech is autocommunication, which is based on the model of the communicative situation, in which the subject transmits the message to himself. At the same time, the platform of this conclusion is the hypothesis of L.S.Vygotsky on the development of internal speech through functional and structural isolation from external speech.

The possibility of a dialogue of internal and external speech is indicated. The author believes that this dialogue is possible and determined only in conditions of high energy of internal speech. The characteristic features of inner speech are considered, namely, predicativity, the predominance of meaning over meaning, the transformation of predicativity in the conversation of thought with oneself, parataxic connections, the reduction of the physical aspect, the montage of inner speech, reference words, the “condensation of semantics”, the elliptical sparseness of inner speech.

The regularity based on the paradox is connected with the last feature: the greater concentration of inner speech is connected with the greater volume of the missed in it and, at the same time, with a greater hint of it missing: it asks participation in the dialogue, it requires the involvement of the listener in the work of thought, in the element of growing meaning.

References

1. Ricœur, P. (2008) *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Translated from French by I. Vdovina. Moscow: Akademicheskij projekt.
2. Gadamer, G.- H. (1988) *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.
3. Akhutina, A.V. (2007) *Antichnyye nachala filosofii* [Ancient Principles of Philosophy]. St. Petersburg: Nauka.
4. Lotman, Yu.M. (2014) *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside The Thinking Worlds]. St. Petersburg: Azbuka.

5. Bibler, V.S. (1996) Ponimaniye L.S.Vygotskim vnutrenney rechi i logika dialoga (yeshche raz o predmete psikhologii) [L.S. Vygotsky's understanding of internal speech and the logic of dialogue (once again on the subject of psychology)]. In: Vygotsky, L.S. *Myshleniye i rech'* [Thinking and Speech]. Moscow: Labirint. pp. 363–376.
6. Morin, A. & Everett, J. (1990) Inner speech as a mediator of self-awareness, self-consciousness, and self-knowledge: An hypothesis. *New Ideas in Psychology*. 8(3). pp. 337–356. DOI: 10.1016/0732-118X(94)90020-5
7. Akhutina, T.V. (2002) *Neurolingvisticheskiy analiz dinamicheskoy afazii* [Neurolinguistic Analysis of Dynamic Aphasia]. Moscow: Terevinf.
8. Vygotsky, L.S. (1999) *Myshleniye i rech'* [Thinking and Speech]. 5th ed. Moscow: Labirint.
9. Potebnya, A.A. (1976) *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow: Iskusstvo.